

Инна Сергеевна

15.10.97.

На высоком берегу Амура

— В вашем кабинете на холсте взыгрался черный кот и прожигает глазами вся сюда входящего. Вы его нарочно повесили у стола?

— Да это наш собственный кот. Его нарисовала Елена Качалева. Он из голголовского "Вия", который мы здесь ставили. Но чертвичи в нем достаточно. В суть моей есть какие-то мистические совпадения и интриги. Оглядываюсь я сейчас вокруг своих верстовых столбов: летит жизнь, летит. И вдруг 50! Стоя как вкопанный. Тороплют этот мой верстовой столб. А я внутренне еще не дошел до него.

— А если оглянуться — что вы знаете о жизни?

— Это какая-то театрализованная интрига, которая разворачивается помимо моей воли. Я, пленник Мельпомены, только подчиняюсь ей. С самого детства меняются вокруг меня не города, не театры, а некие декорации. В далекие сороковые-пятьдесятые, когда я имел счастье появиться на свет, наш дом стоял в Хабаровске, на высоком берегу Амура, а напротив находилась краевая оперетта. Рядом — городской сад. В открытые окна ко мне в кроватку влетала музыка. Мои первые ощущения растворялись в мелодиях "Летучей мыши", "Веселой вдовы". Мои дивные родители: папа — летчик и мама — студентка мединститута — тоже увлекались театром.

— Они постарались, чтобы их чадо появилось на свет не раньше и не позже, а именно 7 ноября, чтоб праздновала его рождение вся страна.

— Какой это был праздник — 30-летие Октября. 1947 год. Весь город, Амур и сопки расцвели пестрым салютом.

— Вот почему вам все время фартило!

— Мне не надо было выбирать себе дорогу — сама судьба вокруг меня танцевала и плела соблазнительную театральную интригу. Однажды наша семья приземлилась в Новосибирске. Меня свел с ума знаменитый театр "Красный факел", где сияла великолепная радуга режиссера Веры Павловны Редлих, подруги Марины Цветаевой, соученицы Аллы Константиновны Тарасовой по Второй театральной студии. Влюбляясь в нарядных и сладковязных золушек и принцесс, я вдруг испытал какой-то зов: спал и видел себя на сцене.

Божьей милостью Фирс

— Ну вы накачали себя романтизмом. И куда он вас направил?

— Мальчик тайно удрал из дома после 8-го класса в Ярославль, в театральное училище, где принимали ребят после 8-го класса. В 14 лет я оказался в новых природных декорациях: берег Волги, старинный театр им. Волкова. Здесь приключилась моя первая личная драма — меня не приняли в училище. Видеть бездарен. Я в ужасе. Бежал по улицам и хотел, чтобы меня сбила машина или наехал трамвай. Всю ночь лежал без сна в общежитии, а по Волге гудели пароходы, откуда-то доносились тягучее пение: "Издалека долго течет река Волга". Лежу и плачу — жизнь прошла мимо. Но, утром что-то меня подтолкнуло пойти в училище посмотреть на счастливчиков. Пришел без всяких надежд, и тут ко мне подошел первый волшебник Виктор Александрович Давыдов, режиссер театра Волкова, и сказал утешительные слова: "Вы знаете, молодой человек, я не согласен с мнением других. Я покажу вас нашему главному — Фирсу Ефимовичу Шишгину. Ничего не обещаю — как получится!" Фирс был уникальный мастер, один из могikan театрального дела. Я задрожал как осиновый лист. И вот я увидел Фирса. Фигура двухметровая с огромной седой бородой. Я совсем перепугался и не соображал, как я ему что-то прочел. Но Фирс принял меня! Мама, конечно, обрадовалась, навязала мне с собой телогрейку, фуфаски и матрас. И пошел я в люди.

Следующая декорация. Нас готовили для ввода спектакля Волковского театра. Нам предстояло по очереди сыграть слугу Елизаветы — арагончика. Сижу я в бельэтаже и смотрю, как один из нас выносит царский шлейф. Вдруг меня за плечо берут и ведут к Фирсу. И он мне говорит: "Назначаем тебя на главную роль в пьесе Розова "Перед ужином". Так я стал Ваней Неделиным. Был я беленький, кучерявенький, не мальчик, а ангел — только без крыльев.

— Притяжение для театральных девочонок!

— В главной роли я стал кумиром нашего курса. Но я спал и видел только театр, а девочками не думал.

— Чтоб красивый мальчик не люблялся? Быть не может.

— Влюблялся, влюблялся. Но судьба отводила меня в сторону и как говорила: "Обожди".

Козел в зеркале

— Провинциальный, хотя и звездный мальчик каким-то образом оказывается в Москве.

— Захотел попробовать силы в режиссуре и подался в ГИТИС. Курс набирали Юрий Александрович Завадский. Там была целая плеяды замечательных педагогов: Ирина Сергеевна Анисимова-Вульф, Бенкендорф, да и сам Завадский. На третьем курсе меня срезал Завадский. Интеллигент и эстет, он на экзаменах задал мне вопрос: "Вы занимались в самодеятельных спектаклях?" — "Да, — сказал я, — у одного дядечки". Завадский оторопел и разыграл целую сцену: "Это у какого дядечки? Это фамилия, что ли, чешская Дядечка?" У ме-

ня уходит пол из-под ног: "Не фамилия..." — "Вы что же, закончите ГИТИС и про меня скажете: учился у какого-то дядечки". Так Завадский дал мне отворота. Сел я на поезд и поехал в Новосибирск в ТЮЗ. Играли в "Кошкином доме" всякая чушь: даже не самого козла, а отражение козла в зеркале. Никаких перспектив. И пошел я в народный театр ставить спектакли. Яростная недалеко от Москвы. Разжалобив кондукторов придуманными историями, я ездил без билетов в Москву в выходные дни на спектакли. Все лучше пересмотрел. И сам в Новосибирском ТЮЗе поставил внеплановый спектакль и сыграл в нем большую роль. Через два года опять поехал я штурмовать ГИТИС, теперь на курс Андрея Александровича Гончарова. Было страшно сдавать замечательному мастеру режиссуры. Уже тогда о нем ходили легенды. И меня он принял. Какой это был курс! Игорь Костолевский, Александр Фатюшин... Курсом старше у Попова и Кнебеля учились Толя Васильев, Иосиф Райхельгауз, Боря Морозов. Я не был среди первых учеников. Среди них. Наверное, упорством брал. Гончаров первый вывел на сцену героев Шукшина. Нам дали задание: каждый студент-режиссер должен был поставить один рассказ Шукшина. Так родил-

ся эволюционно, без катализмов. Наш костер разгорался медленно, зато пламя греет нас уже 23 года.

— Елена хотя и главный художник вашего театра, все-таки бывает здесь реже мужа. А вокруг него — девушки и дамы просто приятные и приятные во всех отношениях. С достоинствами и пороками Скорпиона сохранила себя в равновесии — дело непростое.

— Да, не защищай себя от прекрасных впечатлений — уж больно итимное дело актерско-режиссерское: на репетициях говорим все больше о страсти, о любви или предательстве. Когда я только пришел в Центральный детский, как мне нравились актрисы! Я все время готовился к роману с ними. Ну, думаю, — Она! Завтра репетировали с другой, и в мыслях пронеслось: "Наверное, эта — моя судьба".

— А может быть, женщины вас не выбрали?

— Вероятно, не получал взаимности. Сидел во мне упрямый провинциал и не мог отважиться на откровенное признание. Слишком долго я пытался ухаживать. Робок был.

— Теперь я понимаю, почему с Леной ваш роман получился завершенным и счастливым: искусство художника требует терпения и не-

— И однажды за столом с рюмкой нарезана (на столе вашем вижу) вы вдруг решили: а не сочинить ли вам, так сказать, сообща?

— Да, что-то пили, перебирали разные темы, наткнулись на неизвестный роман Дюма "Сильвандер", мысленно прогирывали сюжет, столкновения, интриги людей. И родился замысел пьесы Павла Гусева "Я люблю вас, Констант". Ставил спектакль Владислав Драгунов. Это был троественный союз, а если принять во внимание сценографию Лены Качалевой, то получился славный квартет. Спектакль шел пять сезонов. А сейчас с Павлом Гусевым подбираемся к новому сюжету — увлечены идеями Вересаева. Но это пока тайна.

— У вас в репертуаре "И эту дуру я любил" Андрея Яхонтова. Вы тоже с ним дружите?

— Не скрою, Андрей — мой друг.

— Вы ориентированы только на друзей?

— Нет, почему же. Пьеса Лени Шипенко родилась в театре, а мы с ним до этого не были знакомы, а с Андреем познакомились через его пьесу, которая вдруг была поставлена в Новосибирском театре. Я возмутился: почему он не принес ее к нам? Пьеса "И эту дуру я любил" оказалась со-

ИНТРИГИ ПРИ ПОКОРОВИТЕЛЬСТВЕ ПЛУТОНА

Режиссер
Сергей Яшин:
"Я свято верю
в знаки судьбы"

снято из личного архива
Сергея Яшина

Вопреки гороскопу

— Сергей, рожденному под знаком Скорпиона разные планеты посыпают свои импульсы: от Солнца идут флюиды страсти, от Луны — чрезмерные эмоции, ревность, спрятанность чувств; от Венеры — любовь, опять же страсть, склонность к властности и преувеличениям; от Юпитера — глубина чувств. Плутон, управитель Скорпиона, ведет вашей плотью. Вы должны быть подобно пружине, высвобождающей свою энергию, в том числе сексуальную. Имея такую небесную ауру, не просто найти единственную музу.

— И тут капризы фортуны. Это произошло среди кулис и декораций.

— Циники подумают, что вы отловили героянике где-то в твои сцене.

— Все свершилось вполне пристойно. Я тогда ставил ЦДТ "Выпускников" по пьесе 20-летнего драматурга Саши Ремеза. Главный художник театра Эмриэль предложил мне для оформления спектакля молодую художницу. Я был резко против, но он настоял и привел удивительно красивую Лену Качалеву. Она принесла театральные эскизы, портретную живопись. Образованный Шах-Азизов не просто пригласил ее на спектакль, а взял в театр. Работали мы над постановкой и как-то незаметно сблизились. Может быть, и пробегали по нашим спинам искры приближении друг к другу, но, скажу честно, мы это заметили не вдруг...

— Поцеловались после регистрации?

— Ну нет. Мы много бывали вместе, и созрело желание не расставаться.

— Вы пересказываете классический пионерский сюжет.

— Абсолютно точно. Все было

торопливости.

— Искусство завязало нас узлом. И судьба нас бросила в объятия. Наш роман продолжался около полугода. И однажды я позвал Лену на вечер к 100-летию Мейерхольда в Концертный зал Чайковского. Сидели мы где-то на галерке, а внизу, в партере, — одни знаменитости. На этом прекрасном вечере я сделал Лене предложение. И она была рада этому. Нашей дочке Наде — 23 года. Она сиротка, уже оформляет спектакли в Ярославском театре. Еще не вышла замуж, а мой бойфренд есть. Все по-современному, иначе, чем у нас. У сегодняшней молодежи чувства идут впереди размышлений. Мы по сравнению с ними — медлительные мамонты.

Гоголь не хочет на сцену

— Почему у вас, Сергей Иванович, в репертуаре нет гоголевских вещей?

— Опять мистика — Гоголь к себе не подпускает.

— Скучно великому пересмешнику, что его веселое имя отдали Театру транспорта.

— Имя Гоголя дали театру 1 апреля 1959 года, в день рождения писателя. Хорошая вышла шутка!

— Гоголь — личность мистическая, очевидно, вы боитесь риска?

— У нас шла пьеса Нины Садур "Панночка" по рассказу "Вий". К сожалению, спектакль не очень получился. Видимо, Гоголь его не хотел.

— Страсти "Вия" рассчитаны на чтение при свече. Прилюдное зрелище не пронзит мистическим укусом.

— Я безумно люблю русского гения. Мне близка иррациональная сторона его жизни и творчества, его загадки, ловушки, капризы. Свято верю в некие знаки судьбы. Одни драматурги их подают, а от Гоголя сигнала не поступает. А ставить очередного "Ревизора" не хочу.

Автора!

— Признаетесь, Сергей, вы подбивали Павла Гусева написать пьесу для вашего театра?

— История пьесы по роману Дюма берет начало в нашей человеческой дружбе с Павлом. Он часто бывал у нас на спектаклях...

звукна моему настроению, моим размышлениям и человеческому опыту. Я хототал, когда читал, хототал, когда ставили. Над ней работал молодой режиссер Арнольд Швецов, но как художественный руководитель я тоже подключился к постановке. И тут я сделал неверный шаг — позвал Яхонтова на репетицию. Обычно-то я не зову — авторам всегда не нравятся постановки.

На репетициях Яхонтов сидел сумрачно. Прогон ему совершился не понравился, и он начал мне делать какие-то свои замечания. Я на него зорил: "Все! Прощай! С этого дня я ставлю только покойников!" Андрею хотелось, чтобы у нас было точно так же, как в Новосибирском театре, но я ему нагрубил, и он стал внимательней смотреть спектакль. Премьера вышибла из него комплимент: "Лучшего воплощения я не ожидал".

Главреж

— Многие даровитые режиссеры маялись без собственного театра, вам отвалили театр Гоголя. Наверное, с помощью партийных кнопок? Вы "позвонили" главрежу?

— О звонках скажу чуть позже. Страшный период в моей жизни начался после прихода в ЦДТ Алексея Владимировича Бородина. Конечно, я сам не был подарок: привык вольноносить, к беззапланиченности и, признаюсь, мечтал взглянуть в эпоху безвременя этот самый Центральный детский. Я мешал, но уходить сам не собирался, и меня решили уволить за непослушание: я начал ставить спектакль в Новом драматическом якобы без ведома руководства нашего театра. Не удалось уволить, и я поставил свой прощальный спектакль "Новые страдания юного В." на малой сцене. Я по природе домосед, не могу бегать ни от женщины, ни от театра. Уход из ЦДТ давался мне очень тяжело после 13 лет любви. Меня подобрала Малая Броня, Евгений Лазарев. Я безумно ему благодарен, что он протянул мне руку помощи. Я поставил там два спектакля. И в это время раздался звонок...

— Из горкома партии?

— Да нет. Моя история с партией проклинула еще в Центральном детском. На заре туманной юности меня звали в ряды, а я отшутился: "Мне же не разрешают". Действительно, Качалева не советовала связываться: "Вступишь — разведешься тут же". Я ис-

пугался. А когда вокруг меня пошла интрига, я решил все-таки попробовать сработать с руководством театра с одной партийной трибуны. Не приняли! Моя любовь с компартией так и не состоялась. Зато однажды мне позвонила из БДТ Дина Морисовна Шварц, великий звезды, и сказала, что Георгий Александрович Товстоногов предлагал мне поставить в Большом драматическом спектакль. "Это не может быть!" — закричал я. — Это какой-то дьявольский розыгрыш". Но Дина передала трубы Георгию Александровичу, и он по произнес: "Сергей Иванович, много о вас слышали. Хотим дать вам почтить одну пьесу. И если она вам понравится, будем счастливы видеть вас в БДТ". Какое это счастье было общаться с Георгием Александровичем, учиться у него... А во время постановки мне позвонил из Москвы мой товарищ Володя Боголепов — он работал в театре Гоголя очередным режиссером: "Ведущие мастера решили предложить тебе место главного у нас". "Да ты что!" — закричал я. — Ни под каким видом". Утром я как бы в шутку сказал Георгию Александровичу об этом предложении. И Товстоногов мне разъяснил: "Ну почему же? Театр так низко пал, и все, что бы вы ни сдела-

ли, будет лучше, чем было". Так я рискну.